

УДК 330.161.

О «ДОРОЖНОЙ КАРТЕ» РОССИИ И ЕЁ МЕСТЕ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ

В.И. Корняков¹, М.Л. Альпидовская²

¹Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль

²Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

Современная экономика уничтожает сама себя, истребляя уже существующие трудовые ресурсы – источник всех иных ресурсов, необходимых для собственного развития. До настоящего времени не диагностирована болезнь российского общественного воспроизводства. Выброшенным оказывается самый его смысл – рост производительности труда в его главной воспроизводственной функции – экономии общественного труда. В дополнение неустранимые материальные основы инфляции задаются саморазрушающимся воспроизводственным механизмом.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, воспроизводство, экономическое развитие, неоиндустриализация, «кольцо Маркса».

Кто сокрушил экономику России в 1990-е годы и с кем ей предстоит соперничать? Только в 2011 году была поставлена точка в исследованиях тысячами знаменитых и незнаменитых авторов XIX-XX веков процессов концентрации и централизации производства и капитала во всемирном масштабе. Несколько лет учёные Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе кропотливо изучали взаимосвязи 43 тысяч транснациональных корпораций (ТНК). Из 187 гигантов, материально и финансово тесно связанных друг с другом удалось выявить их центр – единую суперкорпорацию, структуру, экономически управляющую мировой экономикой [1].

Обмен активами сверхгигантов чаще всего означает объединение ресурсов научно-технического развития. В результате – *развитые страны ныне обладают единой всемирной научно-технической структурой*. Чтобы осознать, о чём идёт речь, следует принять во внимание, во-первых, беспрецедентные организаторские умения и опыт объединившихся ТНК, а во-вторых, фантастические возможности современной информатики и то обстоятельство, что своё высшее развитие она (информатика) получает именно в крупнейших ТНК. В результате становится ясным то, что *не выступает на поверхности явлений и никоим образом не рекламируется* (напротив, тщательно скрывается). Во второй половине XX века научно-технические подразделения ТНК, занятые созданием новых технологий и продуктов, приобрели между собой прочные разветвлённые экономические и технико-научные связи, работают по взаимно-согласованным направлениям и проблемам, обмениваются разнообразной информацией, обладают всеми атрибутами взаимодействия и единства. *Всемирной суперкорпорации соответствует всемирная, практически единая, целостная «машина» научно-*

технического прогресса – главное завоевание мировой капиталистической системы конца XX-начала XXI веков. У неё всемирное производственно-техническое первенство. Уникальная экономическая и научно-техническая мощь *единой «машины» новых и техники и технологий* позволяет всемирной суперкорпорации задавать, поддерживать во всемирном масштабе определённые общественно обязательные уровни таких решающих характеристик производства, как издержки, цены, качество и наукоёмкость продукции, различные стандарты и т.д.

«Машина» научно-технического развития всемирной суперкорпорации «напряжена» весьма действенным всемирным экономическим механизмом обеспечения её эффективности. Производственные мощности суперкорпорации кратно перекрывают платежеспособный спрос. Выходом стал переход от рынка насыщения к рынку замещения, к ежегодной смене моделей выпускаемой продукции. Научно-техническая «машина» практически по всему фронту всемирного общественного производства планомерно совершенствует продукты, а многомиллионный микробизнес, вооружённый рядом маркетинговых и кредитно-финансовых схем, постоянно фокусирует интерес покупателей на сегодняшних моделях, их преимуществах. В свою очередь, суперкорпорация не может прервать этого движения, ибо останется без рынка. И вот в её «машине» уже рождается четвёртая промышленная революция, возникают одна за другой «умные» отрасли и технологии.

Когда в 1990-х годах перед суперкорпорацией были открыты экономические границы Российской Федерации, были потеряны такие важнейшие отрасли с высокой добавленной стоимостью, как производство химических волокон, тракторостроение, гражданское судостроение и авиастроение, станкостроение, металлургическое машиностроение и другие. Функция снабжения промышленности России машинами перешла к суперкорпорации и Китаю, составив около половины российского импорта.

Но, с другой стороны, продолжали функционировать нефтегазовое и ряд других добывающих производств, ещё со времён СССР работавших на суперкорпорацию, превращаясь в её сырьевой ресурс. Однако, при разгроме суперкорпорацией российской экономики в основном удалось сберечь у себя ракетно-ядерный щит. Вот почему колониального переформатирования сырьевого сектора российской экономики, его заглывания суперкорпорацией не произошло. Собственно, здесь – отправной пункт и производственная основа стратегии «вырыва» России в авангард мировой экономики в условиях «царствия» всемирной «машины».

Взаимоотношения России с суперкорпорацией в современных исторических обстоятельствах – содержание «дорожной карты» (ДК) России. Объективным «фарватером» для предстоящего развития становится то обстоятельство, что между сырьевым сектором экономики РФ и суперкорпорацией не установилось обычных для эпохи глобализации отношений «господства-подчинения». До сего времени эти отношения функционируют в рыночном русле как коммерческие. И неоспорим, и неопровержим следующий факт, что они в 1990-е годы хозяйственно-экономически спасали страну. А ныне постепенно формируется объективная тенденция закрепления и развития таких отношений между нефтегазосырьевым сектором российской экономики и всемирной

суперкорпорацией, в которых всё более обозначается не господствующая, но иницирующая (поисковая) роль суперкорпорации, усиливается её фундаментальная заинтересованность в российских природных богатствах.

На среднесрочную перспективу Россия не располагает возможностями опережающих технических-технологических разработок, сравнимых с теми, которыми обладает суперкорпорация. Следует вывод: за высокое место в мировой экономике России придётся бороться с опорой (по меньшей мере, в ближайшие предстоящие десятилетия) в основном на собственный энерго-сырьевой комплекс. И это должно получить отражение в экономической стратегии страны вопреки нынешней позиции значительной части её общественности, воспринимающей этот курс как «нефтяное проклятие». Пока что иного «билета» для получения высокого странового «места» во всемирном разделении труда (в мировой экономике) у РФ не имеется. И проблема заключается в том, чтобы самым разумным-практичным способом распорядиться этим «местом» – распорядиться так, чтобы с его помощью пробиться к высшему ярусу.

В 2012 году президент РФ В.В.Путин объявил развитие Сибири приоритетом на весь XXI век. Развёрнута доразведка ранее открытых месторождений и серьёзный поиск новых. В ближайшие годы, согласно заявлению Д.А. Медведева, на это будет израсходовано не менее 320 миллиардов рублей [2]. Уже выявлены запасы нефти, угля, газа, железных руд, превышающие те, что известны сегодня, но также и уникальные месторождения полиметаллов и редкоземельных металлов, апатитов, урана, золота. В Якутии в ближайшие годы благодаря этому ВРП на душу населения составит 1 млн. рублей (по России ВВП на душу населения составляет примерно в 70 раз меньше) [3, с. 8].

Сегодняшние отношения между суперкорпорацией с её «машиной» и российским нефтегазосырьевым сектором экономики безусловно взаимовыгодны. Эта выгодность не сиюминутна и не ограничена сроками. Всё говорит за то, что с ходом времени она будет нарастать и становиться всё более значимым фактором всемирного хозяйства. Полагаем, в суперкорпорации уже рождается отношение к российскому нефтегазосырьевому сектору как к курице, несущей золотые яйца. Сама природа позаботилась о том, что оно не может не укрепляться. И следует предвидеть переход к реверсным (относительно годов разгрома экономики СССР) взаимозависимостям. Вместо былых снисходительных покупок суперкорпорацией российских товаров по продиктованным ею ценам наступит практика избирательного согласия-несогласия России позволить определённым западным покупателям приобретать российские ресурсы по российским же ценам.

В итоге, замысел нашей ДК мог бы быть в том, чтобы, *опираясь на растущую роль отечественных естественных богатств в равновесности мирового производства, продвигать государственные производства, недоступные захвату или разорению суперкорпорацией, и в это же время вывести национальную экономику к новому механизму общественного воспроизводства, обладающему динамизмом, по меньшей мере, вполне сравнимым с динамизмом «машины» суперкорпорации.*

Развитие государственных производств как сокращение технологической отсталости. РФ уже использует некоторые объективные возможности развития промышленности высочайшего уровня вне досягаемости суперкорпорации. Речь идёт о неоиндустриализации. Но не о фронтальной, а о секторальной – по развёртыванию групп предприятий и отраслей, заведомо недоступных для разрушения извне. Это, прежде всего, развитие транспортной инфраструктуры нефтегазосырьевого комплекса страны, а особенно ВСМ – высокоскоростных магистралей, железнодорожных перевозок.

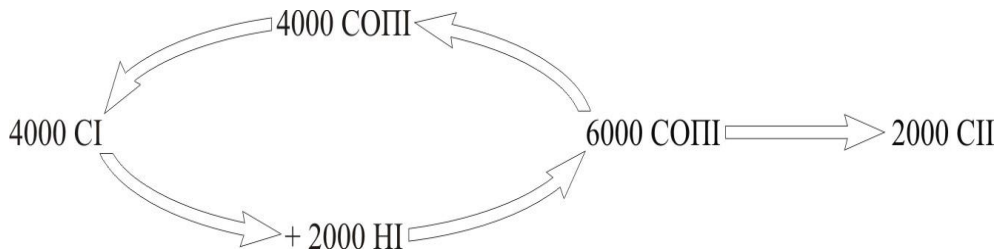
До сих пор даже для граждан РФ поездки в северные и восточные районы сопряжены с немалыми трудностями. Из-за состояния транспорта есть риск потери страной её главного конкурентного преимущества. Между тем в последние десятилетия Европа, Китай и *островная* Япония всё более широко применяют высокоскоростные железнодорожные магистрали. Сегодня очевидно, что главным направлением сохранения конкурентного преимущества российской экономики становится ускоренное создание в РФ сети железнодорожных ВСМ, ориентированных на «гашение» транспортной отдалённости российских Севера и Востока. Здесь предстоят затраты в триллионы рублей. И интрига не только в том, что при ВСМ регион географически де-факто сливается с другими центрами. Инвестирование в ВСМ, как никакое другое, одновременно доставляет самый широкий круг социально-экономических эффектов: от создания сотен тысяч новых рабочих мест вне досягаемости суперкорпорации до крупнейшей экономии общественного труда и улучшения экологической обстановки. Однако, по-видимому, принятая в 2008 году стратегия развития транспорта была недостаточно согласована с курсом на использование главного конкурентного преимущества страны. В ней предусматривалось развёртывание ВСМ только в европейской части страны, недоучитывалась роль БАМа. Её расширение стало необходимостью уже при заключении 30-тилетнего соглашения с КНР. Сразу же после его подписания летом 2014 года Президент РФ безотлагательно решает развернуть работы по расширению возможностей БАМа, выделив для этого из Фонда национального благосостояния 150 млрд. рублей [4].

Важнейшим направлением секторальной неоиндустриализации становится оборонно-промышленный комплекс (ОПК). С 2000 года государство, спасая уцелевшие структуры ВПК Советского Союза, провело серию организационных мер, завершившихся в 2011 году созданием консолидированной государственно-экономической «отрасли», работающей по долгосрочным контрактам в составе 50 интегрированных структур с единой государственной программой вооружений на 2007-2015 годы и программой по повышению качества продукции предприятий ОПК.

Далее представляем два наших предложения к созданию российского «экономического чуда».

Использовать природные эффекты общественного воспроизводства, оперировать его многолетнюю болезнь. Ныне практически забыто, что «производство средств производства для средств производства» есть кругооборот, спираль и естественно-обязательно генерирует положительные и отрицательные обратные связи. Вспомним простейшую иллюстрацию – схемы простого воспроизводства (совокупного общественного

продукта СОП) Карла Маркса: $4000CI + 2000HI = 6000COPI$ (здесь марксовы $1000VI + 1000MI$ обозначены через $2000HI$). Очевидно вращение:

В этом «кольце Маркса» могут иметь место разнонаправленные изменения производительности труда: 1) снижение; 2) повышение. В первом случае вовлекается новый живой труд: например, $2000H$ превращаются в $3000H$, а $6000COPI$ – в 7000 . Во втором, напротив, часть труда выводится из производства, в нём вместо $2000H$ остаётся, к примеру, 1000 , а $COPI$ становится не 6000 , а только 5000 . Материальные воспроизводственные пропорции – прежние, в CI возвращаются, замыкая круг, всё те же $\frac{2}{3} COPI$, а именно: в рассматриваемом году в первом случае 4667 , во втором 3333 . Каждый может убедиться: кругообороты сами собой продолжают заданные изменения во втором, третьем и последующих годах. Согласно законам убывающей геометрической прогрессии, в первом случае «автоматически» в движение в итоге окажутся вовлечены добавочные 2000 , а с учётом изменений в потоке, отходящем от I подразделения во II – все 3000 . Во втором же случае те же 3000 окажутся высвобождены из текущего производства.

В российской экономике первый эффект пробуждается при повышении цен на товары, движущиеся в «кольце Маркса». Каждое такое повышение цен автоматически получает примерно трёхкратное приращение, то есть анонимно, не идентифицировано разгоняет инфляцию и продолжается ряд лет. Для ДК же имеет значение второй эффект: самоуменьшение затрат общественного воспроизводства при снижении издержек и цен как проявление роста производительности труда. То есть природа мощно усиливает всякое уменьшению затрат и цен как выражение роста производительности труда. Каждая единица таких уменьшений влечёт кратные, не требующие от людей никаких усилий, дальнейшие самоуменьшения с соответственными высвобождениями субстанции затрат и одновременно главного ресурса-источника экономико-социального прогресса – труда – из производства. Данный механизм прописан во всех рыночных теориях. Но нигде не даётся его обстоятельного теоретического разбора. Фиксируется лишь начальное снижение (при росте производительности труда) денежных издержек единицы продукции. Иногда указывается, что оно произошло вследствие экономии живого труда, ибо рост производительности, повышая выработку, снижает трудоёмкость единицы данной продукции и выводит из производства ставшую излишней часть живого труда. Между тем уменьшение трудоёмкости – базовый процесс повышения производительности труда. Неоспоримо, что только благодаря этому основополагающему процессу уменьшаются издержки, цены, изменяются денежные объёмы воспроизводственных совокупностей. Казалось бы, этому натурально-вещественному (не

денежному!) «породителю» изменений в общественном воспроизводстве должно уделяться особое внимание его исследователей. Увы, исследований здесь происходящего до сих пор нет.

Ещё в XIX веке сложился единый *общественный технологический процесс производства* (ОТПП), связавший в целостность все процессы труда «капиталистической экономики». Причём примерно с середины XX века – через длинные технологические цепочки заводов-переделов с завершающим их технологически единые производства созданием тех или иных конечных продуктов. Вследствие чего снижение трудоёмкости любого изделия в производственной «точке», которая его выпустила, через некоторое время оказывается экономией переносимых затрат труда в десятках и сотнях его (изделия) применений (по крайней мере с того момента, когда общее воспроизводственное движение ОТПП достигает этих пунктов). И так по каждому повышению производительности труда во всей экономической системе. Безусловно: «старый» уровень этих переносимых натуральных затрат (с изделия на изделие в технологических цепочках заводов) и «старая» натуральная трудоёмкость (существовавшие до повышения производительности) *совершенно реально непрерывно* (поскольку идёт рост производительности труда) *покидает общественное производство*. Они замещаются новыми, установленными происшедшим повышением производительности.

Однако этот экономический процесс фундаментального значения ныне в России никак не отражается практическими денежными межхозяйственными отношениями, которые и складываются-то лишь тогда, когда обретают товарно-денежную форму. Узаконенные нормы рынка *ориентируют предпринимателей, у которых имело место повышение производительности труда, при уменьшении денежных издержек (вследствие роста производительности труда) оставлять отпускную цену прежней* (и даже повышать её). А как же (при сохранении цены на прежнем уровне) уже образовавшаяся натуральная материально-трудовая экономия от уменьшения трудозатрат, уже вошедшая вместе с указанным товаром в воспроизводственное движение, «оседлавшая» его?

Войдя в материальное хозяйство, натуральная материально-трудовая экономия сама по себе никуда не девается. Она всё так же движется по его технологическим цепочкам вместе с соответствующим товаром, корректируя в каждом звене прежние, сложившиеся до данного повышения производительности труда и потому ещё неуменьшенные, натуральные трудозатраты. Но так происходит при росте производительности труда со всеми товарами каждой технологической цепочки обработки. Во всём хозяйстве непрерывно происходит замена изделий с более высокими трудозатратами теми, что были произведены при повышении производительности и снижении трудоёмкости. Таким образом, непрерывно производится, рождается, вполне материально накладывается слоем на слой массив материальных трудозатрат, выводимых-выносимых из материального хозяйства как выражение роста производительности труда. Ещё раз подчеркнём: на основополагающем первичном трудовом (но ещё не ценовом-денежном) уровне данная абсолютно материальная трудовая экономия вполне откристиаллизовывается определённой величиной труда в составе всего труда, образующего данные многочисленные цепочки товаров. В них, в этих цепочках,

действительного труда *действительно* стало меньше. Образован-высвобожден трудовой ресурс. Что же с ним?

Повторим: при товарно-денежных отношениях натуральные «трудовые» изменения общественно-хозяйственно используются людьми лишь тогда, когда этим изменениям придаются денежные выражения. И беда в том, что в РФ (конечно, не только у нас) уже созданное богатство – *реально-материально высвобожденный труд как ресурс – экономически не «приходится», не обретает денежного выражения, не участвует в денежных воспроизводственных отношениях.*

Но на этом в РФ процесс «денежизации» – монетизации уже полученной экономии общественного труда (от повышения производительности) решительно прерывается. Отпускная цена не снижается. Уже полученная в натуре экономия общественного труда (от повышения производительности) не пропускается в социально-денежное выражение-движение общественного воспроизводства. Это социально-денежное выражение оказывается отрезанным от натуральной экономии общественного труда, принесённой повышением производительности. И наоборот: вся полезная «работа» повышения производительности, образование ею натурального ресурса общественного труда, выведенного ею из текущего производства, отъединена от денежных общественного производства-воспроизводства, ради которых она и совершалась.

Образовавшееся начальное денежное выражение ресурса – денежные издержки – уже на уровне фирмы, до перехода в ОТПП, выдёргивается предпринимателями из воспроизводственных процессов в форме сверхприбыли – разности между не уменьшаемой ценой и снизившимися издержками. Сверхприбыль потребляется, исходное денежное выражение трудового ресурса уничтожено.

Покупателям поставляются изделия, в которых как факт реально (в натуре) сэкономлен труд, но оставлена прежней цена, – та, которой предприятие располагало до повышения производительности и, понятно, которая не учитывала, не могло учитывать этого повышения и воследовавшей с ним экономии труда.

Высвобожденный общественный труд не допускается к запечатлению в деньгах. Отпускная цена не снижается соответственно уменьшению затрат (держится такой, как если бы роста производительности совсем не происходило), рост производительности денежно зачёркивается, все денежные отношения в производстве консервируются, как если бы в технико-производственной сфере не происходило ни наималейшего прогресса. Тем самым в корне усекается природный механизм «кольца Маркса» кратного увеличения эффективности повышения производительности труда. Вместо этого в карман предпринимателей проливается жалкий (сравнительно с уничтоженной экономией общественного труда) мизер – сверхприбыль: процесс, открывающий уничтожение этой экономии.

Таким образом, до сих пор *не диагностированная болезнь российского общественного воспроизводства – это его разрыв надвое, сброс главной ресурсорождающей натурально-вещественной ветви в отвалы, полностью оторванные от денежного воплощения и использования. В отвалах оказывается самый смысл общественного воспроизводства – рост производительности труда в его главной воспроизводственной функции –*

высвобождения общественного труда из текущих производства-воспроизводства. Эта основная ветвь воспроизводственного потока не только исключена из экономических отношений, осуществляемых в денежной форме. Реально-натурально высвобожденный труд не охраняется никакими экономическими и правовыми отношениями. Это – выморочная ценность, «выморка», и, как все заброшенные неохраняемые ценности, она обречена быть растащенной, разрушенной, уничтоженной. Величайшая экономическая трагедия России – в этом уродливом устройстве её общественного воспроизводства, в социальной кастрации повышений производительности труда, в уничтожении самим общественным воспроизводством своего главного ресурса. А дополнение этого саморазрушающегося воспроизводственного механизма инфляцией изгоняет в никуда даже самую идею прибегнуть к спасительным эффектам «кольца Маркса», которые генерируются не повышениями, а исключительно понижениями цен.

Неустрашимые материальные основы инфляции задаются самим этим механизмом. Даже просто сохранение прежних цен и прежней денежной массы при выведении из денежных отношений (в отвалы) части рабочего времени социума и его расхищения-гибели (как «выморочного») делает денежную массу всё более «обескровленной» (утрачивающей своё стоимостное содержание). Открывается возможность снижения трудовой стоимости общественного воспроизводства. «Обескровленность» денегкратно усиливается по мере развёртывания других инфляционных процессов, деньги всё более становятся «пустыми», лишёнными трудовой субстанции, которая нашим самоедским воспроизводственным механизмом перебрасывается в отвалы на уничтожение. Отсюда *ещё два разрушительных свойства* нашего тяжелобольного воспроизводственного механизма.

Первое из них – это разрушение самой сущности общественного воспроизводства – созидать новое. В отвалы сбрасывается та часть натурального общественного продукта, которая политэкономически должна была бы послужить приростом прибавочного, а также отчасти необходимого продукта. Понятно, для экономического роста социуму в условиях потери прибавочного приходится использовать необходимый продукт. И для этого применяются опять же механизмы инфляции.

По данным Р.И.Хасбулатова, цены на электроэнергию для малого бизнеса в РФ в 2,5 раза выше, чем в США, Канаде и Австралии, на 30-35% выше, чем в 15 наиболее развитых странах ЕС, в 3 раза выше, чем в Китае, в 4 выше, чем в ЮАР, в 2,4 выше, чем в Бразилии. Сходные соотношения цен имеют место по газу, углю [5, с. 4-7]. Это свидетельствует об «отсечках» российским воспроизводством от необходимого общественного продукта для решения воспроизводственных задач.

Второе «добавочное» свойство растерзанного воспроизводственного механизма состоит в том, что десятилетиями безнаказанно продолжающееся сбрасывание в отвалы материального продукта и бесконтрольное разбавление стоимости общественного производства инфляционной «водой» определили *«сжатие» и «контракция» российского общественного воспроизводства*. По данным Т. Фомченкова, стоимость базовых отраслей – промышленности и сельского хозяйства – за десять лет (2002-2012 гг.) снизилась ни мало, ни

много на 50%, или вдвое. «Меньше всего снизилась стоимость «науки» – на 19,1%, но тут, видимо, просто падать некуда» [6].

Об экономической собственности работников на свою производительность труда. Экономическая собственность здесь понимается не в смысле имущественных отношений присвоения, а как связанная с ними *фактическая степень хозяйскости экономического поведения* соответствующих субъектов. Данная трактовка [7, с. 163] снимает обычный разрыв между заявляемой и фактической поведенческой собственностью. При одной и той же провозглашаемой-заявляемой (статусной) собственности реальное собственническое поведение фактически может быть каким угодно. Но именно только оно, реальное собственническое поведение, привносит в экономическую систему ту её составляющую, которую теория видит и изучает как собственность.

Все известные нам теории собственности концентрируются на отношениях относительно вещественных благ, достояния. Но все они вторичны. Первичны труд и его производительность, почему многократно признавалось, что «владыкой мира будет труд». Труд во всём богатстве своего содержания до сих пор – тайна, над раскрытием которой бьётся наука, прежде всего – экономическая. Но надёжно выделена, структурирована материально-экономическая составляющая труда – его производительность. Именно она (наряду с природой) – всем видимый источник материального вещественного достояния человечества. Совершенно непонятно, почему отношения по поводу последнего – собственность, а созидаящая её производительность труда рассматривается вне отношений собственности.

Выше уже отмечено, что в частнособственнической экономике РФ производительность труда сейчас ни одной социальной группе не нужна. А сама жизнь диктует, чтобы производительность труда стала объектом собственности именно тех, кто творит и повышает её. *Творящий субъект этого процесса просто обязан быть также и субъектом экономической собственности на неё.*

Предлагаемый переход прямо диктуется развитием общественного воспроизводства. Выделим три тенденции.

Во-первых, в общественном воспроизводстве ресурсы премирования повышения производительности труда в растущей мере комплектуются из дополнительной продукции, создаваемой самим этим повышением. Прямотаки напрашивается передача всего процесса работникам.

Во-вторых, в итоге коренных изменений в процессах труда, главными органами которых становятся глубины психики, мышление, менеджмент уже не в состоянии контролировать их традиционными методами. Он вынужден убеждать работников, что те трудятся на себя, и подкреплять это различными социальными ухищрениями. И, тем не менее, по оценкам, до 30% рабочего времени ныне «съедается» так называемым «оппортунистическим поведением» работников, не желающих подчиняться требуемым от них нормам труда. В-третьих, с переходом к общественному воспроизводству снижающихся цен ЭСЦ и овладением эффектами «кольца Маркса» принципиально определяются долгосрочные направляющие экономического обустройства собственнического дохода, зарабатываемого трудящимся как собственником повышения производительности труда. Полагаем, с переходом

к ЭСЦ индивидуальная (групповая) экономическая собственность работников на рост своей же производительности труда становится (при всех теоретических, методических и организационных трудностях её реализации) объективной неизбежностью.

Список литературы

1. Миром правит суперкорпорация // Aktiv.com.ua: [сайт]. URL: <http://aktiv.com.ua/archives/5912>
2. Дмитрий Медведев: Россия потратит на разработку нефти и газа до 2020 года не менее 320 млрд рублей // Kommersant.ru: [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2520729>
3. Боровиков Ф. Восточный прорыв//Российская газета. 2014. № 6416 от 1 июля. С.8.
4. Светлая М. На расширение БАМа выделяют 150 млрд рублей // «Aprpress» информационное агентство: [сайт]. URL: <http://aprpess.com/economics/6043-na-rasshirenie-bama-vydelyat-150-mlrd-rublej>
5. Хасбулатов Р.И. Российская экономика. Почему нет ожидаемого роста?// Экономическая и философская газета. 2014. №6. С. 4-7.
6. Фомченков Т. Эксперты вычислили, сколько стоит российская экономика//Российская газета. 2014. №6391 от 29 мая.
7. Корняков В.И. Сомкнувшаяся потоковая экономика: Рассуждения об обгоняющей самоускоряющейся экономике 21 века. Философско-экономическое учёное собрание Центра общественных наук МГУ. М.-Ярославль. 2003. С.163-225.
8. Альпидовская М.Л. Кризис и противоречия современного общества потребления, или по дороге к «новой» экономике// Философия хозяйства, 2014, №4 (94).
9. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 480 с.
10. Де Грааф, Джон. Потреблятьство: Болезнь, угрожающая миру/ Джон де Грааф, Дэвид Ванн, Томас Нэйлор; (Пер. с англ. Н.Макарова). М.: Ультра. Культура, 2003. 392 с.
11. Золотас К. Экономика капитализма против общественного благосостояния. М.: Мысль, 1985. 175 с.
12. Кортен Д. План создания новой экономики. От воображаемого богатства к реальному. СПб: ИГ «Весь», 2011. 192 с.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд.2, т.42. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 41-174.
14. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд.2, т.21. М.; Изд-во политической литературы, 1974. С. 28-178.
15. Bell Daniel. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York. Basic books, Corp., 1976 – XXXIV

RUSSIAN “ROADMAP” AND ITS PLACE IN THE WORLD ECONOMY: OBSTACLES OVERCOMING

V. I. Kornjakov¹, M. L. Al'pidovskaja²

¹Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The article shows the destructive character of the modern economy, how it destroys the existing manpower – a source of all other resources. Up to now there is no diagnosis of the Russian public reproduction illness and the description of the growth of labor productivity in its main reproduction functions. In addition ineradicable material basis of inflation is stipulated by self-collapsing reproduction mechanism.

Keywords: economy, facilities, reproduction, economic progress, neoindustrialization, «Marx's ring».

Об авторах:

КОРНЯКОВ Василий Иванович – доктор экономических наук, профессор Ярославского государственного технического университета, e-mail: vikorn1@rambler.ru

АЛЬПИДОВСКАЯ Марина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры макроэкономики Финансового университета при Правительстве РФ, e-mail: morskaya67@bk.ru

About the authors:

KORNJaKOV Vasilij Ivanovich – Senior Doctorate in Economics, Professor of Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, e-mail: vikorn1@rambler.ru

AL"PIDOVSKAJa Marina Leonidovna – Senior Doctorate in Economics, Professor of Macroeconomics Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: morskaya67@bk.ru

References

1. Mirom pravit superkorporacija // Aktiv.com.ua: [sajt]. URL: <http://aktiv.com.ua/archives/5912>
2. Dmitrij Medvedev: Rossija potratit na razrabotku nefti i gaza do 2020 goda ne menee 320 mlrd rublej // Kommersant.ru: [sajt]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2520729>
3. Borovikov F. Vostochnyj proryv//Rossijskaja gazeta. 2014. № 6416 ot 1 ijulja. S.8.
4. Svetlaja M. Na rasshirenie BAMA vydelyat 150 mlrd rublej // «Aprpress» informacionnoe agentstvo: [sajt]. URL: <http://aprpress.com/economics/6043-na-rasshirenie-bama-vydelyat-150-mlrd-rublej>
5. Hasbulatov R.I. Rossijskaja jekonomika. Pochemu net ozhidaemogo rosta? Jekonomicheskaja i filosofskaja gazeta. 2014. №6. S. 4-7.

6. Fomchenkov T. Jeksperty vychislili, skol'ko stoit rossijskaja jekonomika. Rossijskaja gazeta. 2014. №6391 ot 29 maja.
7. Kornjakov V.I. Somknuvshajasja potokovaja jekonomika: Rassuzhdenija ob obgonjajushhej samouskorjajushhejsja jekonomike 21 veka. Filosofsko-jekonomicheskoe uchjonoe sobranie Centra obshhestvennyh nauk MGU. M.-Jaroslavl'. 2003. S.163-225.
8. Al'pidovskaja M.L. Krizis i protivorechija sovremennogo obshhestva potreblenija, ili po doroge k «novoj» jekonomike. Filosofija hozjajstva, 2014, №4 (94).
9. Gjelbrejt Dzh. Novoe industrial'noe obshhestvo. M.: Progress, 1969. 480 s.
10. De Graaf, Dzhon. Potrebljatstvo: Bolezn', ugrozhajushhaja miru/ Dzhon de Graaf, Djevid Vann, Tomas Njejlors; (Per. s angl. N.Makarova). M.: Ul'tra. Kul'tura, 2003. 392 s.
11. Zolotas K. Jekonomika kapitalizma protiv obshhestvennogo blagosostojanija. M.: Mysl', 1985. 175 s.
12. Korten D. Plan sozdaniya novej jekonomiki. Ot voobrazhaemogo bogatstva k real'nomu. SPB: IG «Ves'», 2011. 192 s.
13. Marks K. Jekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda. / Marks K., Jengel's F. Soch., Izd.2, t.42. M.: Izd-vo politicheskij literatury, 1974. S. 41-174.
14. Jengel's F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. / Marks K., Jengel's F. Soch., Izd.2, t.21. M.; Izd-vo politicheskij literatury, 1974. S. 28-178.
15. Bell Daniel. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York. Basic books, Cop., 1976 – XXXIV.
- 16.